

«ГОД ШУКШИНА»

Писатель, режиссер и актер кино Василий Макарович Шукшин умер в конце 1974 года на Дону в разгар съемок фильма «Они сражались за Родину».

Смерть его была неожиданна. Хоронили Шукшина в Москве. Люди, не сумевшие пробиться к гробу сквозь толпу, бросали цветы через головы впереди стоящих. Что Шукшин популярен, было известно. Но масштабы его популярности и потрясение, вызванное его ранней смертью, были неожиданны и для тех тысяч, что пришли проводить его на Новодевичье кладбище, и для тех миллионов, что обратились к его фильмам и книгам, почувствовав непоправимость потери.

В этом году за творческие достижения последних лет в киноискусстве Шукшину посмертно присуждена Ленинская премия. Поток статей о Шукшине, вечеров его памяти, спектаклей по его рассказам и повестям не иссякает.

Похоже, что мы не просто обзираем сегодня путь этого сибиряка, оказавшегося к 45 годам популярнейшим писателем. Мы разгадываем и саму власть его над умами.

«БАЙКИ» И «РОССКАЗНИ»

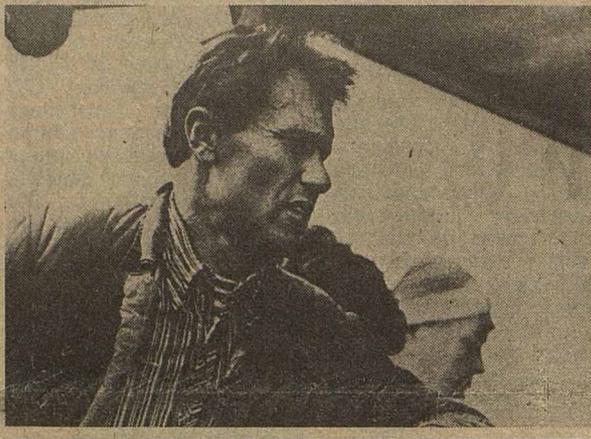
Он был прежде всего новеллистом. Романы и повести долго не давались ему: в ранних его повестях глава бывала сильнее повести, сцена сильнее главы, а внутри сцены сильней всего действовало что-нибудь конкретное: деталь, реплика, словцо какое-то подмеченное. Конечно, на прозу Шукшина влияло его профессиональное киномышление. Но точнее всего будет сказать, что он был прирожденный рассказчик. И рассказчик необычный.

Именно Шукшин стал одним из тех немногих писателей, что в 60-е годы вернули русскому рассказу популярность, отвовав ему читателей у традиционно главенствующей в советской литературе крупномасштабной эпической прозы и у набравшей силу в ту пору молодой поэзии. Это казалось тем более странным, что Шукшин не был «мастером» в привычном смысле слова. Он не гнался за изощренностью и отделкой, даже и описания-то не очень отработывал: больше болел за сюжет и за речь героев; рассказы его казались «байками» в простонародном духе; в них трудно было отделить лукавого автора - рассказчика от лукавого же, «при-

За последний год у нас в стране вышло пять изданий произведений Василия Шукшина. Общий их тираж превысил миллион экземпляров. Этот случай беспрецедентен для современных писателей. Необходимо сказать, что книги раскупали мгновенно.

О своеобразии творчества писателя размышляет в корреспонденции АПН известный литературный критик Л. АННИНСКИЙ.

ПИСАТЕЛЬ, РЕЖИССЕР, КИНОАКТЕР

вирающего» героя: так поначалу эти рассказы и принимали, когда Шукшин начал печататься лет 17 назад.

Теперь, когда рассказы Шукшина перечитывают иными глазами, ясно, какое открытие совершилось в этих «бывальщинах».

ОТКРЫТИЕ ТИПА

Шукшин открыл новый человеческий тип.

Он был знаток маленьких городков, вырастающих сегодня на российских пространствах, знаток сегодняшней русской деревни, привязанной к городу новыми дорогами. Его герои — полукрестьяне-полугорожане. Нечто промежуточное, неустоявшееся, не вполне определенное: одна нога еще в деревне, другая уже в городе; и там и тут; ни там ни тут; вроде бы — везде свой и везде — немножко «не в своей тарелке». Шукшин писал трактористов, шоферов, сезонных рабочих, продавцов, почтальонов, пассажиров, он писал человека ближней, местной дороги, человека проселка — писал глубинную Россию, сдвинувшуюся с вековых мест и изумленно, тревожно вслушивающуюся в себя.

Но главное открытие Шукшина было не в этом.

ЧЕМ УТОЛИТСЯ ДУША!

Шукшин открыл новый духовный конфликт.

По внешности — это традиционная для русской прозы, хорошо знакомая читателю тема «русского чудака». Но чудаки Шукшина (он их называет «чудики») не похожи на тех поэтичных, «не от мира сего» мечтателей, которые нам знакомы по классике.

Шукшинский чудаки, вопервых, не над землей, а на земле; он ввязан, втянут, впряжен в быт и освободиться от него не может. Но — хочет! И отсюда — вторая черта шукшинского «чудика»: он далек от душевного смирения, от кротости; перед нами борец, неистовый, почти безумный в своем нежелании примириться с обыденщиной. Его душа горит — он хочет справедливости. Он обижен за всех обиженных. И более всего — неосознанно — он обижен за самого себя. А почему — не знает.

Его конфликт — неистребимость духовной жажды в человеке, обманувшем свое достоинство вещами и слепо восстающим против этого самообмана. Драма духовности, не знающей, чем утолиться. Этот конфликт определяет все лучшие рассказы Шукшина. И все его луч-

шие фильмы. От первой его режиссерской ленты «Живет такой парень» (1964), в которой был воссоздан душевный, добрый человек, лукаво прирывающий свою доброту маской Иванушки-дурачка. До последней ленты Шукшина, ставшей его художественным «завещанием», до «Калины красной» (1974), картины о добром человеке, который искал жизнь свою, дойдя до уголовщины, озлобился, чтобы защититься от людей, а вот привыкнуть к этой своей злобе так и не смог — сломался, погиб.

Жажда духовности скрыто определила искания Шукшина и в самой последней, главной его работе — киносценарии фильма «Степан Разин». Шукшину так и не удалось поставить эту картину. Но роман «Я пришел дать вам волю», написанный им на основе сценария, вышел. После смерти писателя.

РОМАН О РАЗИНЕ

Степан Разин, предводитель крестьянской войны, потрясшей в 1670 году царство первых Романовых, явился последней фигурой русской казачьей вольницы, ярко вспыхнувшей перед тем, как Российская империя окончательно овладела своими пространствами. Разину посвящена огромная литература, историческая и художественная, анонимная и авторская.

Шукшин не собирался повторять предшественников. Анализируя социально-психологические аспекты разинщины, он решал свою проблему и твердо шел к своей собственной цели. Эта проблема и эта цель — целостный духовный мир русского человека, мучительно ищущего правду в преодолении крайностей, в ожесточении своей безмерной духовной жажды.

Умом понимая историческую неизбежность происходящего, Шукшин, однако, всею душой безразлично и безоглядно сочувствует Степке Разину и оплакивает его детские доверчивую, вольную, тоскующую, обреченную душу.

...У могилы Шукшина на Новодевичьем кладбище, расположенном под стенами старинного московского монастыря, всегда кто-нибудь стоит. Или подходит, или отходит, постояв. Красная лента на кусте растущей здесь калины — словно повязана только что. И — гора живых цветов, из-под которых едва виден портрет скульпастого человека с горькими складками у рта и совсем не видна надпись: «Василий Шукшин, 1929 — 1974».